

Концептуальные основы внешней политики Польши в отношении европейских стран постсоветского пространства

Я.В. Корэйба

Основная цель статьи состоит в анализе идеологических основ внешней политики Польши в отношении постсоветских стран в Европе. Независимо от всех других проблем, политика Польши в отношении Восточной Европы является объектом консенсуса всех значимых политических сил страны. Доктрина, разработанная в 20-х гг. XX в., была частично воплощена в жизнь во время президентства Л. Качинского и спровоцировала ряд проблем в отношениях Польши с Россией. Хотя польская дипломатия при премьер-министре Д. Туске и президенте Б. Коморовском поменяла свой стиль, главная идея регионального позиционирования страны и основные цели польской внешней политики остаются прежними. Автор освещает исторические геополитические и культурные факторы, которые способствовали формированию этой внешнеполитической идеологии и анализирует ее влияние на современную политику Польши в отношении Восточной Европы.

Польша намерена играть активную роль, согласно заявлениям руководства страны, в отношении постсоветских государств, особое внимание уделяя странам «новой Восточной Европы»¹. Активизация восточного измерения Европейской политики соседства Евросоюза является одним из приоритетов польской политики². Следует заметить, что, несмотря на бурную полемику и высокий уровень внутривнутриполитической напряженности, принципы политики в отношении новых независимых государств являются в Польше объектом консенсуса представителей всех, без исключения, политических сил страны. Этот феномен наблюдается в декларациях и действиях польских политиков, от правых консерваторов до бывших коммунистов, наглядным символом чего стало совместное участие Леха Валенсы и Александра Квасневского в событиях на киевском майдане зимой 2004 г. Для полноты

картины можно вспомнить, что уровень неприязни между этими политиками, претендовавшими в 1995 и 2000 гг. на пост президента страны, заставил Валенсу отказаться от публичного рукопожатия с Квасневским.

Учитывая всю полноту внутривнутриполитических противоречий, интересно задаться вопросом: откуда берется эта «магия» восточной политики, важность которой объединяет в Польше людей с совершенно разными биографиями, системами ценностей, взглядами и политическими приоритетами? Для того чтобы понять, как Польша будет влиять на формулирование и реализацию восточной политики ЕС, необходимо учесть внутренние факторы, определяющие внешнеполитическое восприятие польской элиты. В настоящей работе делается попытка выявления роли, которую Польша намерена играть в отношении стран «новой Восточной Европы», а также определения

Корэйба Якуб Войцехович – выпускник Института международных отношений Варшавского Университета, аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.
E-mail: kkorejba@op.pl

и анализа исторических предпосылок видения обстановки в регионе и его идеологической мотивации.

С Западом на Восток – самопозиционирование Польши в новой Европе. В «Стратегии национальной безопасности» Польши подчеркивается, что «динамика процессов демократизации и экономической трансформации в Центральной, Восточной и Южной Европе и воля многих государств этих регионов войти в НАТО и ЕС способствуют укреплению мира и стабильности на континенте. Поддерживая эти процессы, особенно в отношениях с Украиной и Молдовой, государствами Западных Балкан и Южного Кавказа, Польша развивает партнерское сотрудничество с этими государствами с целью усиления их стремлении к демократическому развитию. Позитивное влияние на безопасность Польши оказала бы демократизация Беларуси»³.

Рассматривая возможности воплощения в жизнь этих перспектив, стоит подчеркнуть, что сегодняшняя Польша объективно обладает реальным потенциалом внесения инновации в политику ЕС в отношении стран постсоветского пространства. Как подчеркивает Мишель Фуше, поступательное движение идей от Западной Европы к новым членам ЕС не означает, что этим странам нечего внести в существующий союз. «Кроме того, что они настаивают на проведении (в странах постсоветского пространства. – Я.К.) глубоких реформ, касающихся методов принятия решений, демократизации процедур и дебатов, предоставления кредитов, – пишет он, – некоторые из них, исходя из своего географического положения и национальных интересов, будут, в свою очередь, участвовать в обеспечении безопасности и выполнять роль механизмов по передаче современного опыта»⁴.

Фуше отмечает, что после распада биполярной системы Польша развернула настоящую восточную политику по отношению к соседним странам – Литве, Белоруссии и особенно Украине, а также России. Этот автор утверждает, что «целью поляков, для которых по-прежнему остается большим вопрос о старых восточных границах, о воспетой Ч. Милошем потерянной территории, является правильный ответ на геополитические неясности, связанные с ослаблением (временным?) России и случайностями, которые могут возникнуть в связи с переходными политическими и экономическими процессами в Украине»⁵.

Для Польши, считает Фуше, речь идет о том, чтобы согласовать свое вхождение в Евросоюз и НАТО с развитием связей с этими странами, стремящимися к установлению и укреплению своего суверенитета. С этой точки зрения, как об этом пишет Фуше, Польша является «одним из редких новых членов ЕС, могущих участвовать сразу в формулировании геополитического видения Евросоюзом Восточной Европы, то есть первого круга стран, не являющихся членами ЕС»⁶. Все это заставляет задуматься о том, как Польша:

а) может реализовывать такого рода активность?

б) из каких предпосылок будет исходить при этом польская дипломатия?

в) что является конечной целью проводимой страной политики?

Историческая память в поисках места между Россией и Европой. Согласно «Стратегии национальной безопасности» Польши, «Российская Федерация, используя конъюнктуру цен на энергоносители, интенсивно старается упрочить свою позицию в трансрегиональном масштабе. Российское стремление наращивать сотрудничество с избранными западными государствами сопровождается введением селективных ограничений и дискриминации некоторых членов НАТО и ЕС»⁷. Вышеуказанный фрагмент официального документа выявляет сразу несколько аксиом польского восприятия стратегической обстановки в регионе:

– страх перед неимперской политикой России;

– отрицание восприятия государств ЦВЕ как объектов политики держав;

– опасение изолирования Польши вследствие договоров ее западных соседей с Россией;

– стремление к получению статуса полноправного члена западных военных союзов и интеграционных структур;

– претензии на статус регионального лидера, формирующего региональный порядок.

Все вышеуказанные постулаты имеют глубокие исторические корни. Доминирующее на польской политической сцене поколение деятелей принадлежит к специфическому слою польской интеллигенции. Таких ярких противников, как Ярослав Качинский, Бронислав Коморовский, Анна Фотыга и Радослав Сикорский, объединяет то, что все они выросли в среде, глубоко и травматично затронутой историей. Для анализа коллективной памяти этой группы нужна отдельная статья психологов и социологов. Для того чтобы понять их взгляды на польскую внешнюю политику, необходимо отметить, что в Польше интеллигенция сформировалась из представителей мелкого дворянства в середине XIX в. Общим опытом этих людей было участие в народных восстаниях 1794, 1831, 1863 гг. и наполеоновских войнах, прежде всего в кампании 1812 г.

Каждое последующее поколение теряло собственность, свободу и жизнь в войнах, восстаниях и борьбе, которые велись против Российской империи или против царизма, билось против России в рядах польских легионов во время Первой мировой войны и советско-польской войны 1919 – 1920 гг. Последняя стала основополагающим мифом для межвоенной Польши, особенно после возвращения к власти Юзефа Пилсудского, авторитет которого был основан на роли вождя – победителя большевиков и спасителя возрожденной страны. Личный опыт участия в войне с большевистской Россией сыграет впоследствии немаловажную роль в формировании внешней

политики руководителей Польши после смерти Пилсудского – маршала Рыдз – Смиглы и министра иностранных дел Бека.

Следующее поколение польской интеллигенции прошло через трагедию сентября 1939 г. и очередной раздел Польши, который сопровождался двойной оккупацией. На формирование мировоззрения польских интеллигентов этого поколения оказали большое влияние события Варшавского восстания августа 1944 г., особенно созданная вокруг этого события мифология. Согласно ей, Красная Армия стояла на правом берегу Вислы, выжидая, пока карательные отряды СС не уничтожат «неблагонадежные», с точки зрения коммунистов, элементы польского общества.

Среди российских аналитиков и в российском обществе часто недооценивают травму, нанесенную полякам пактом Молотова – Риббентропа и вступлением на польскую территорию Красной Армии 17 сентября 1939 г. – в разгар оборонительной войны с гитлеровской Германией. Это историческое событие, наряду с Катынским делом, оказывает огромное, для россиян необъяснимое, влияние на политику современной Польши. Это влияние связано не только с важностью исторических событий, но также с тем обстоятельством, что до 1989 г. эти факты являлись государственной тайной. Историкам и обычным людям было запрещено заниматься этой тематикой. Впоследствии, в 1990-х гг. вспыхнул общественный интерес к этим событиям, которым воспользовались многие авторы книг, фильмов и телевизионных программ.

При этом в польском обществе преобладает мнение, что, в отличие от Германии, Россия так никогда и не признала преступлений сталинской политики и не оказала Польше ни моральной, ни материальной компенсации. Таким образом, историческая память польской интеллектуальной и политической элиты диктует и сегодня несколько аксиом, определяющих осмысление международных отношений:

- Польша является частью Западной Европы, но находится на ее рубеже, в зоне повышенной геополитической активности основных игроков;

- логика внутренних процессов в России подталкивает ее к поиску непосредственного контакта с высокоразвитыми странами Западной Европы и, следовательно, устранению посредников;

- в отношениях Польши и России ключевую роль играла промежуточная территория, обеспечивающая обоим государствам «стратегическую глубину», ранее «Kresy wschodnie» – восточные окраины, ныне новые независимые государства;

- нельзя полагаться на союзы с европейскими державами, которые инстинктивно тяготеют к согласованию европейского порядка с Россией на основе «концерта держав» и всегда «продавали» Польшу. Поэтому для укрепления геополитического плюрализма в ЦВЕ необходимо привлекать наднациональные институты и внеевропейских игроков.

В «Стратегии национальной безопасности» эти постулаты сформулированы следующим образом: «Потенциальной угрозой для национальных интересов Польши являлся бы крах процесса европейской интеграции из-за возвращения государств к действиям исключительно сквозь призму национальных интересов, амбиций восприятия ЕС как противовеса Соединенным Штатам; а также неспособность ЕС выработать общую политику. Угрозой было бы также ослабление трансатлантических связей, что сопровождалось бы отдалением друг от друга государств по обе стороны Атлантики»⁸.

Интересно заметить, что многие из представителей польского руководства являются по образованию историками (президент, премьер-министр, председатель парламента и многие из министров иностранных дел последних 20 лет). Справедливо предположить, что они хорошо знают исторические примеры успехов и неудач польского государства и понимают сложности положения страны. Для того чтобы понять внешнюю политику двух последних правительств, необходимо учитывать специфическое отношение бывших польских диссидентов к России. Они боролись с коммунистической властью, которую считали местной ячейкой имперского центра. Они отождествляли авторитарный режим Польши, от которого страдал народ и они лично, с реализацией имперских стремлений России. Борьба с коммунизмом во имя освобождения Польши, естественно, считалась борьбой с Россией⁹. Следовательно, приобретение независимости могло осуществиться только путем ослабления СССР.

Поэтому они и сегодня считают, что повышение международного статуса Польши, укрепление национальной безопасности возможно только при ослаблении России и ее вытеснении из Центрально-Восточной Европы. При этом наблюдается парадоксальное сходство взглядов на роль Польши в этом регионе среди представителей как правых, так и левых политических кругов польской элиты. Исходя из крайне разных предпосылок и совершенно разного жизненного и политического опыта, они приходят к идентичным выводам относительно стратегии Польши в Восточной Европе.

Аксиома правых – в ожидании следующего этапа экспансии. Отправной точкой анализа идеологических источников внешнеполитических взглядов польских правых можно считать оценки Анны Фотыги¹⁰ состояния польско-российских отношений, которые она сформулировала в интервью украинской газете «День». Согласно ее мнению, «не нужно обладать особой фантазией, чтобы представить, что большая соседняя страна, Россия, которая возрождает свою неоимперскую политику, просто использует свой огромный аппарат спецслужб для операций на территории Польши. Россия планирует экономическую экспансию в ключевых секторах, – так уже в наши времена бывало, – нужно это сознавать и этому противодействовать»¹¹.

Взгляды Фотыги совпадают с заявлениями Ярослава Качинского о безоговорочной услужливости Польши по отношению к России, о капитуляции во внешней политике и о том, что Польша – это регион, управляемый совместно Россией и Германией. Такие мнения лидер польской оппозиции выразил в интервью «Газете Польской». В нем прозвучали формулировки о «российско-немецкий кондоминиум» в отношении «колонизированного государства» в контексте зависимости польской внешней политики¹². Попытки правительства Туска помириться с Россией и построить взаимоотношения на основе прагматичной реализации национальных интересов бывший премьер-министр называет «капитуляцией».

Российскому наблюдателю такие взгляды могут казаться, как минимум, нерациональными, но неслучайно Качинский подвергает критике правительство именно на основе политики в отношении России. Ведь отношения с Россией имеют для части польской политической элиты значение символическое, выходящее далеко за рамки отношений с одним из соседей. Специфика бросается в глаза уже в плане лингвистическом – Качинский использует термины из языка военных: капитуляция внешней политики, дипломатическое наступление, экономическая экспансия, энергетический империализм, расширение зоны влияния, инфильтрация и т.д.

Для правой части польской элиты отношения с Россией не являются просто игрой национальных интересов, они имеют трансцендентное измерение. Польско-российские отношения – это борьба добра и зла, света и тьмы, цивилизации с варварами, прогресса с регрессом, Европы с Востоком. Поэтому, по их мнению, любая уступка Польши российской стороне является не просто выражением актуальной позиции, а изменой принципам и исторической миссии. Польские правые считают, что из-за объективных причин геополитического, культурного и ценностного характера Польша находится с Россией в состоянии перманентной конфронтации, о чем якобы свидетельствует вся история взаимоотношений обоих народов. В сегодняшних реалиях императивом внешней политики Польши должна быть минимизация влияния России на дела региона путем укрепления новых независимых государств. Ради сдерживания России польские правые готовы пожертвовать претензиями на территории и собственность, оставленные поляками в Литве, Белоруссии и Украине, равно как и интересами польского населения в этих странах, лишь укрепить их суверенитет и независимость от России.

Левые – легитимизация через отрицание прошлого? Следует подчеркнуть, что, несмотря на фундаментально иную отправную точку и перспективу, к идентичным выводам приходят и польские левые. Этот парадокс невозможно объяснить без рассмотрения исторических и биографических факторов. Польские левые партии

в своих нескольких воплощениях с 1989 г. называли себя «социал-демократией», претендуя на принадлежность к кругу европейских социалистических организаций. Однако вплоть до начавшейся после поражения в выборах 2005 г. смены поколений и партийное руководство, и «низы» польских социал-демократов состояли в основном из бывших членов ПОРП.

Опыт пребывания у власти в стране с ограниченным суверенитетом вызывал сомнения на счет способности ПОРП выражать и реализовывать интересы независимой Польши. Поэтому польские левые решили утвердиться в качестве подлинных национальных лидеров и настоящих европейцев через приобретение легитимности путем акцентирования своей европейскости, причем в ее выражениях они иногда представляли «большими католиками, чем папа римский». Учитывая соседство Польши с новыми независимыми государствами, неотъемлемой частью их дискурса стало требование включения бывших советских республик в процессы европейской интеграции.

Александр Квасневский подчеркивал, что «Польша заинтересована в дальнейшем расширении ЕС на восток, чтобы перестать быть «пограничной зоной» и тем самым повысить свою безопасность»¹³. «На Западе есть усталость от процесса расширения ЕС. Однако мы считаем, что расширение – это единственный шанс для ЕС найти свое место в будущей международной архитектуре. Для этого нам необходима численность населения в 700 миллионов человек», – считает Квасневский.

Неопрометеизм как основа внешней политики Польши в Восточной Европе? С точки зрения концепции внешней политики, желаемой архитектуры международного порядка и стратегического соотношения сил в регионе ЦВЕ (и шире – в Европе) многие современные польские политики являются прямыми наследниками идеологии прометеизма. Этот идеологический проект был создан в 1918 – 1922 гг., во время формирования Второй Польской республики, рядом сторонников Юзефа Пилсудского, по преимуществу, как и он, выходцами из восточной части бывшей Речи Посполитой – Литвы, Белоруссии, Украины. Прометеизм стал основой политики, целью которой являлась реализация «федеративной» организации политического пространства Восточной Европы между Балтийским и Черным морем. Новая федерация должна была ориентироваться на Польшу и превратиться в своеобразный буфер, смягчающий угрозы, исходящие из России. Из-за геополитических рамок эту концепцию также принято называть «проектом междуморья».

Согласно Эдмунду Харашкевичу¹⁴, создателем концепции был сам Пилсудский, который в меморандуме от 1904 г. к японскому правительству указывал на необходимость использовать в борьбе с Россией многочисленные нерусские народы на берегах Балтийского, Черного и Ка-

спийского морей. Он особенно подчеркивал потенциал поляков, которые благодаря своей истории, любви к свободе и бескомпромиссному отношению к трем разделившим Польшу империям, без сомнения, могли сыграть лидирующую роль в освобождении других угнетенных Россией народов¹⁵.

В 1926 г. в Париже была основана организация «Прометей» («Prometeusz»). В ее состав вошли представители Азербайджана, донских казаков, Грузии, Идель – Урала, Ингрии, Карелии, Коми, Крыма, Кубани, Северного Кавказа, Туркестана и Украины¹⁶. Документы этого движения и его идеология разрабатывались Восточным институтом в Варшаве и Научно-исследовательским институтом Восточной Европы в Вильнюсе¹⁷. В 20–30-х гг. XX столетия внешнеполитическое ведомство Польши прилагало известные усилия для претворения в жизнь целей этой организации. Но в межвоенную эпоху из-за ряда внешних и внутренних обстоятельств эта идея оказалась нереализуемой. Польша была в очередной раз разделена между Германией и Россией, что еще больше усилило (особенно среди эмиграции) чувство геополитического фатализма и укрепило негативные исторические стереотипы о России как о империалистической и агрессивной по своей природе стране. Идея прометеизма, таким образом, претворить в жизнь не удалось, но она не была забыта.

Своеобразным, гораздо более реалистичным ее воплощением стало развитие концепта «восточной политики». Особенно интенсивно и плодотворно ее положения развивались под руководством Ежи Гедройца в Литературном институте (Instytut Literacki) в Париже. Особый акцент был сделан на необходимости:

- налаживания связей с представителями нерусских народов СССР;
- изучения истории их государственности;
- примирения поляков с соседями;
- подготовки строительства ими в будущем государств, независимых от России.

Преодолеть исторический фатализм – польская повестка дня для региона. Подводя итоги практического влияния этих взглядов на международную активность Польши, стоит рассмотреть факторы, формирующие внешнюю политику страны, используя вышеуказанный идеологический фильтр, свойственный представителям польской политической элиты. При характеристике подхода представителей политической элиты страны, отвечающих за концептуализацию и реализацию внешней политики Польши, ее активность в отношении стран Восточной Европы, необходимо учитывать следующее факторы, формирующие видение ими региона:

– **географический.** Польша занимает центральное место в Центрально-Восточной Европе (ЦВЕ). Этот регион является зоной ее жизненных интересов;

– **цивилизационный.** Восточная Европа является плацдармом столкновения цивилизаций

Запада и Востока. Польша – это рубежная страна Запада, которая должна взять на себя: с одной стороны, защиту собственной цивилизации, а с другой – обеспечить ее распространение на сопредельные, «расщепленные государства», где идет борьба по вопросу о цивилизационной принадлежности. Политический и социально-экономический строй России более близок к Востоку и не годится для западно-ориентированных стран ЦВЕ;

– **культурный.** Польша на протяжении всей своей истории являлась территорией передачи западной культуры на Восток и местом окультуривания представителей восточноевропейских народов. Польская интеллигенция считает своим долгом продолжить эту традицию;

– **исторический.** Все территории, когда-либо входившие в состав Речи Посполитой и тронутые ее «цивилизующим» влиянием, должны войти в круг западной цивилизации и интегрироваться с западными структурами сотрудничества;

– **геополитический.** Польша (как часть Запада) и Россия соперничают за влияние на территории Восточной Европы. В связи с цивилизационным фактором это соперничество имеет характер игры с нулевой суммой;

– **экономический.** В эпоху бурного развития высоких технологий и наукоемкой экономики единственным путем прогресса и преодоления цивилизационной отсталости в странах ЦВЕ является сотрудничество с генерирующим изобретения Западом. Россия же опирается на экстенсивную эксплуатацию энергоресурсов;

– **стратегический.** Он вытекает из сочетания геополитического и экономического факторов. Россия для обеспечения реализации своих интересов стремится контролировать страны ЦВЕ. Для противодействия этой активности у стран региона нет материальных (финансовых, технических, военных, человеческих) возможностей. Поэтому они стремятся обеспечить свою безопасность и независимость от России за счет вхождения в западные военные организации и привлечения на свою территорию военного присутствия потенциально антироссийских держав;

– **политический.** Дезинтеграция структур, препятствующих вхождению стран ЦВЕ в орбиту Запада (исчезновение СССР, ОВД, СЭВ, ослабление России) при усилении процессов, этому способствующих. Это создало условия для «возвращения Польши в Европу», но «полное воссоединение континента» осуществится лишь тогда, когда в ЕС и НАТО войдут все земли бывшей Речи Посполитой;

– **демографический.** На структуре польского общества все сильнее отражаются процессы старения (в связи с низкой рождаемостью и повышением уровня медицинского обеспечения). В сочетании с резко возрастающим уровнем жизни и распространением модели потребительского общества образуется большой спрос на рабочую силу (надо учитывать, что трудоемкие отрасли экономики все еще занимают значительное место

в экономике страны). Кроме того, после вступления Польши в ЕС намечается отток из страны специалистов – врачей, медсестер, инженеров, квалифицированных технических работников. Страны Восточной Европы являются резервуаром рабочей силы, и поэтому Польша заинтересована в частичном открытии иммиграционных каналов из этих стран;

– **психологический**. После периода насильственного вхождения в состав восточного блока, во время разделов и после Второй мировой войны поляки испытывают жажду контакта с Западом и желают, чтобы он признал Польшу в качестве полноправного члена западной цивилизации. Отсюда не критичное отношение ко всем проявлениям западной культуры (в том числе и политическим концепциям) и резкое отречение от всего, что связано с прошлым влиянием Востока. На политическом уровне это отражается в оппозиции России по любому вопросу, что характерно не только для поляков, но для представителей почти всех стран ЦВЕ и Балтии;

– **религиозный**. На общественную жизнь в Польше, а также на отдельных политиков большое влияние оказывает религия и католическая церковь. Согласно мнению многих историков, без католицизма поляки не отстояли бы свою национальную идентичность во время испытаний XIX и XX вв. Необходимо обратить внимание на исторические традиции польской политики в Восточной Европе, которые тесно сочетаются с интересами католической церкви. Усиление позиций католицизма часто служило идеологической основой реализации политических целей польской политики в отношении восточных соседей, и наоборот;

– **социальный**. После элиминации популистских партий и снижения роли левых сил в польской политике и особенно в ведомствах, связанных с внешней политикой, доминируют представители традиционной польской интеллигенции. Они считают себя предназначенными для воплощения в жизнь традиционных концепций польского присутствия в регионе, наследниками политической традиции Первой и Второй Речи Посполитой.

Перспектива смены парадигмы – «*nie, dziękuję*»¹⁹. Хотя внешняя политика правительства Туска менее идеологизирована и более прагматична, чем политика Качинских, вряд ли можно ожидать коренных изменений подхода Польши к отношениям с государствами Восточной Европы. Туск и Коморовский принадлежат к тому самому слою польской интеллигенции, что и братья Качинские, а смена риторики в отношениях с Россией вытекает больше из внутривосточной обстановки в Польше, чем из смены ориентиров внешнеполитической стратегии. Туск выиграл выборы и удерживает популярность под лозунгами тотальной критики Качинских. По сути дела, он является заложником собственной PR – кампании, которая позиционирует его как «анти – Качинского».

Оттепель в отношениях с Россией является, на мой взгляд, эффектом совокупного действия ряда объективных факторов, в основном независимых от действий польского правительства:

– во-первых, сильной отрицательной реакции избирателей в русле всеобщего недовольства политическими ориентирами Качинских;

– во-вторых, недостатка средств на поддержку антироссийских проектов в регионе, связанного с последствиями мирового финансового кризиса и сменой приоритетов новой администрации в США;

– в-третьих, ослабления позиции антироссийских политиков в странах постсоветского пространства;

– в-четвертых, нажима со стороны Парижа и Берлина на нормализацию отношений с Россией и вытекающей из этого неготовности Евросоюза поддерживать польские проекты, нацеленные на ослабление России.

Внешнеполитический консенсус польской элиты имеет сильные исторические корни. За последние 300 лет внешнеполитическая активность Польши имела в основном реактивный характер. Поляки чаще всего оборонялись от внешней угрозы и стремились лучшим способом «подстроиться» под политику, проводимую сильными соседями. Приобретение суверенитета и усиление позиции страны в Европе делает такую программу нерелевантной для современной Польши. Поэтому после вступления страны в НАТО и ЕС, что означает выполнение цели «возвращения в Европу», польская политическая элита формулирует новый образ внешнеполитической идентичности страны и позитивную программу действий в регионе. Естественно, это делается на основе исторической памяти в соответствии с собственным пониманием положения страны в Европе. И пока историческая память не подвергнется масштабной эволюции (а для этого нужна смена нескольких поколений), парадигма отношений с соседями вряд ли может существенно поменяться. У Польши нет другой истории, и именно поэтому у нее не будет другой внешней политики.

Korejba J.V. The conceptual basis of Polish foreign policy towards Post – soviet countries in Europe.

Summary: The main goal of the article is to analyze the ideological background of polish foreign policy towards post-soviet countries in Europe. Independently of all other issues, polish policy towards Eastern Europe represents consensus of all main political forces. The doctrine elaborated in early 20ies of XX century was partially turned into reality during the presidency of Lech Kachinsky, and provoked certain complications in polish relations with Russia. Although, polish diplomacy under prime – minister Tusk and president Komorowski modified it's style, the idea of country's regional position and main objectives remain unchanged. The author deals with historical, geopolitical and cultural factors that formed this ideology and its' influence on polish policy towards Eastern European countries.

Ключевые слова

Центрально-Восточная Европа, постсоветское пространство, польско-российские отношения, внешняя политика Польши, идеология «прометеизма», братья Качинские.

Keywords

Central – Eastern Europe, Post – soviet space, Polish – Russian relations, Polish foreign policy, “Prometeist” ideology, the Kachinsky Brothers.

Примечания

1. Под этим определением подразумевают европейские страны бывшего СССР – Белоруссию, Украину и Молдову. Одно из обоснований понятия дается в председателе научного совета Московского Центра Карнеги Д. В. Тренина, прочитанной 31 марта 2010 г. в Киеве, в «Доме ученых», в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.УА»: <http://www.carnegie.ru/publications/?fa=40669>
2. <http://www.prezydentcjaue.gov.pl/priorytety-ogolne/stosunki-ze-wschodem> <http://www.prezydentcjaue.gov.pl/en/areas-of-preparations/program>
3. Strategia Bezpieczeństwa Narodowego RP, punkt 27, http://www.bbn.gov.pl/portal/pl/475/1144/Strategia_Bezpieczenstwa_Narodowego_RP.html
4. Фуше М., Европейская республика. Исторические и географические контуры / Пер. с фр. В.П. Серебренников и Т.Н. Серебренникова, «Международные отношения». М., 1999, в: Геополитика: Антология, Академический Проект; Культура. М., 2006, с. 660.
5. Фуше М. Ibid., С. 660 – 661.
6. Фуше М. Ibid., С.661.
7. Strategia Bezpieczeństwa Narodowego RP, punkt 20, http://www.bbn.gov.pl/portal/pl/475/1144/Strategia_Bezpieczenstwa_Narodowego_RP.html
8. Strategia Bezpieczeństwa Narodowego RP, punkt 32, http://www.bbn.gov.pl/portal/pl/475/1144/Strategia_Bezpieczenstwa_Narodowego_RP.html
9. Польские диссиденты всегда считали СССР следующим воплощением российской империи и в его отношении чаще всего употребляли термин «советская Россия». Про идейные основы этого подхода см.: Kucharzewski Jan Od białego caratu do czerwonego, Wydawnictwo Naukowe PWN. Warszawa, 1999.
10. Анна Фотыга – министр иностранных дел Польши в правительстве Я. Качинского, советник президента Л. Качинского по внешней политике. Ныне главный внешнеполитический эксперт партии «Право и справедливость» и кандидат на пост руководителя МИДа в случае победы этой партии на парламентских выборах осенью 2011 г.
11. Полный текст интервью см.: <http://www.day.kiev.ua/312497>
12. «Газета Польска». 8.09.2010.
13. Светлана Гамова. Польша заинтересовалась Молдавией. У Кишинева появился новый адвокат в Евросоюзе, «Независимая газета». 31.03.2011.
14. Эдмунд Харашкевич (Edmund Charaszkiewicz) – офицер польской военной разведки, в обязанности которого с 1927 до 1939 г. лежала координация прометеевской программы. Харашкевич создал краткую историю польского прометеизма в Париже, куда он бежал после захвата Польши нацистской Германией и СССР.
15. Charaszkiewicz E., Przebudowa wschodu Europy, Niepodległość, Londyn 1955, с. 125 – 167.
16. Bączkowski Włodzimierz, O wschodnich problemach Polski. Wybór pism. Редакция: Paweł Kowal, Ośrodek Myśli Politycznej, Kraków 2000. Для российского читателя стоит заметить, что один из самых больших специалистов по истории прометеизма Павел Коваль являлся заместителем Анны Фотыги во время ее пребывания на посту руководителя МИД Польши.
17. Maj I.P., Działalność Instytutu Wschodniego w Warszawie 1926—1939, Warszawa 2007.
18. После вступления в должность главы государства Лех Качинский нанес свой первый визит в Ватикан.
19. «Нет, спасибо».